

Русский язык

Русский язык – это национальный язык великого русского народа. При помощи русского языка можно выразить тончайшие оттенки мысли, раскрыть самые глубокие чувства. Лингвистический вкус, как и весь культурный облик человека, — результат опыта, жизни.

Единый язык русской нации, язык международного общения в современном мире. Усиливающееся влияние русского языка на другие языки. Замечательный язык мира по разнообразию грамматических форм и по богатству словаря, богатейшей художественной литературы.

Родной язык - это живая связь времен. С помощью языка человек осознает роль своего народа в прошлом и настоящем, приобщается к культурному наследию.

Русский язык - это национальный язык великого русского народа. Значение русского языка в наше время огромно. Современный литературный русский язык - это язык наших газет и журналов, художественной литературы и науки, государственных учреждений и учебных заведений, радио, кино и телевидения.

Язык называют одним из самых удивительных орудий в руках человечества. Однако пользоваться им нужно умело, изучив все его особенности и секреты. А может ли любой из вас с уверенностью сказать, что овладел в совершенстве родным языком? Думается, что среди читателей этой книги таких не окажется. И вот почему: чем больше мы осознаем богатство и величие русского языка, тем требовательней становимся к нашей речи, тем острее ощущаем необходимость совершенствовать свой стиль, бороться за чистоту языка, противостоять его порче. Н. М. Карамзин, много сделавший для развития и обогащения русского языка, писал: «Вольтер сказал, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам, русским, еще более труда, нежели другим».

Говорить и писать правильно и говорить и писать хорошо не одно и то же. Даже если вы свободно владеете литературным языком, всегда полезно задуматься о том, как сделать свою речь богаче, выразительнее. Этому учит стилистика - наука об умелом выборе языковых средств.

Чем грамотнее человек, тем более требователен он к своей речи, тем острее он понимает, как важно учиться хорошему слогу у замечательных русских писателей. Они неустанно работали над совершенствованием и обогащением художественной речи и завещали нам бережно относиться к родному языку. Русский язык всегда был гордостью наших писателей-классиков, он вселял в них веру в могучие силы и великое предназначение русского народа. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»-писал И. С. Тургенев.

При помощи русского языка можно выразить тончайшие оттенки мысли, раскрыть самые глубокие чувства. Нет такого понятия, которое нельзя было бы назвать русским словом. Читая произведения великих писателей, мы погружаемся в мир, созданный их фантазией, следим за мыслями и поведением их героев и подчас забываем, что литература - искусство слова. А ведь все, о чем мы узнаем из книг, воплощено в слове, вне слова не существует!

Волшебные краски русской природы, описание богатой духовной жизни людей, весь необъятный мир человеческих чувств - все воссоздается писателем с помощью тех самых слов, которые служат и нам в повседневной жизни. Не случайно язык называют одним из самых удивительных орудий в руках человечества. Надо только уметь им пользоваться. Вот для этого-то и необходимо изучать стилистику.

Никто не рождается с готовым чувством языка. Лингвистический вкус, как и весь культурный облик человека,- результат опыта, жизни, воспитания. Кто воспитывает чувство языка? Родители, если их речь литературно правильна и вместе с тем сохраняет яркость выразительных средств и чистоту народного языка; учителя, которые проводят

уроки с любовью и вниманием к родному языку (будь это даже уроки математики, географии, физкультуры или труда); книга большого писателя, театр, радио, телевидение - все это способствует выработке хорошего лингвистического вкуса у детей и взрослых, у всех слушателей и читателей.

Нередко рассуждают таким образом: «Конечно, математику или физику надо специально изучать. Но что касается языка, то уж говорить-то я умею без всякой науки». В самом деле, язык -- явление совершенно особенное в жизни человека. Важнейшее средство общения - язык - доступно каждому с детства и используется постоянно каждым членом данного общества. Это создает у человека иллюзию, что он полновластный хозяин своей речи: кажется, что «мои» лингвистические вкусы, «мои» взгляды на язык и «мои» объяснения -- объективная истина, обязательная для всех других. Здесь и кроется причина появления невежественных с точки зрения науки «открытий» и ходячих мнений, хотя и возникают обычно они из искренних и совершенно добросовестных побуждений.

Конечно, есть такие скептики, которые считают: «Как сказал - так и ладно. Все равно поймут!» Но правы ли они? Можно ли утверждать, что небрежную, неточную, неряшливую речь правильно поймут? А какие «неувязки» выходят иной раз из-за неправильного толкования, это каждый испытал на своем собственном опыте. Значит, нельзя руководствоваться нехитрым правилом «все равно поймут». Нет, неправильную речь или трудно понять, или можно понять ошибочно. А неправильно поймешь - неправильно и поступишь. Значит, культура речи не личное дело каждого из нас, а общественная потребность и необходимость.

Что же такое культура речи?

В узком лингвистическом смысле - это владение языковыми нормами (в произношении, ударении, словоупотреблении, в построении фраз и т. п.), а также умение пользоваться выразительными средствами языка в разных условиях общения в соответствии с целью и содержанием речи. Но культура речи **в более широком смысле** - это и культура чтения, и важнейшая часть общей культуры человека.

Само слово «**культура**» (от латинского cultura) буквально значит «возделывание», «обрабатывание». Это то, что «обработано», «возделано» и передано нам по наследству нашими предшественниками; это то, что «обрабатывается» и «возделывается», шлифуется нами, чтобы передать следующим поколениям.

Язык - важнейшее средство человеческого общения и орудие художественного творчества. Культура речи (или культура языка)-это степень нашего владения неисчислимыми богатствами языка. В этом смысле и говорят о высокой культуре речи или о низкой, недостаточной речевой культуре того или иного человека и т. п. Как и в любой области знаний, совокупности навыков здесь все зависит от нас самих, от нашего желания овладеть высотами культуры.

В апреле 1941 года, выступая перед московскими школьниками-старшеклассниками, Михаил Иванович Калинин сказал: «Чтобы стать творцами большой жизни, вам надо овладеть тремя предметами вашей учебной программы». В числе трех главных школьных дисциплин Михаил Иванович назвал физкультуру. Понятно, почему он поставил ее в ряд основных предметов: нам надо готовить себе здоровую смену. Молодежь должна быть сильной, ловкой, выносливой, а все эти качества воспитывает и развивает физическая культура.

Другой предмет, который Калинин считал одним из главных в школьном преподавании, предмет, необходимый людям разных профессий,- это математика. В наш век технического прогресса нет необходимости доказывать правильность этого утверждения.

Однако интересно и знаменательно, что среди трех главных учебных предметов на первое место Михаил Иванович ставит изучение русского языка. «Прежде всего,-- говорил он,-- вы должны хорошо знать русский язык. Ведь нет такой науки, которую вам придется изучать, нет такой сферы общественной деятельности, где бы не требовалось

хорошее знание русского языка. И даже в обыденной жизни такое знание необходимо для того, чтобы правильно и точно выражать свои мысли, чувства, самые глубины переживаний».

Сказанное Михаилом Ивановичем много лет назад с полным основанием можно адресовать и современной молодежи. Знание русского языка во всем его богатстве необходимо людям всех специальностей.

Правда, никто не может заставить человека говорить правильно, ярко, точно, выразительно, если он сам этого не хочет. Но помочь человеку понять, почему он должен стремиться к овладению всеми тонкостями речи, - это долг каждого, кому дорог наш язык.

Л. Н. Толстой говорил: «Слово - дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти». Советский писатель А. Н. Толстой справедливо считал, что «обращаться с языком кое-как -- значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно». А И. С. Тургенев призывал: «берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками...»

В наши дни русский язык поистине становится интернациональным. И это повелевает нам высоко держать знамя русского языка. Все мы - для кого русский язык дорог -- несем ответственность за его чистоту, правильность, точность и выразительность. «Мал язык - да горами качает!» - говорит пословица. Так будем же с уважением относиться к этому гиганту. И пусть никто не забывает, что сила и мощь русского слова зависят от того, как каждый из нас владеет неисчерпаемыми богатствами русской речи.

И для того, чтобы понимать все, что происходит в окружающем мире, для того, чтобы и нас понимали те, с кем мы общаемся, мы должны хорошо владеть современным русским языком. Однако, нечего закрывать глаза на то, что очень часто мы говорим небрежно не только дома, но и на собрании, кое-как пишем не только весточку родным, но и заметку в стенгазету, читаем безграмотные вывески и объявления, слышим искаженную речь в трамвае, в магазине и миримся с этим, не обращаем на это внимания, не придаем этому значения.

А ведь, сколько недоразумений возникает из-за языковой небрежности! Как часто мы обижаем друг друга, сами того не желая, из-за неумения ясно выразить свою мысль. Если наша речь непонятна собеседнику, как легко наши слова могут быть перетолкованы на другой лад! От того, точно ли выражаем мы свою мысль, свободно ли владеем речью, зависит, будем ли мы правильно поняты окружающими.

Конечно, можно возразить: мой культурный уровень, мой язык - это мое личное дело, и прошу оставить меня в покое.

Необходимо поговорить о стыде перед русским словом. Человек должен осознавать, что его речь - его достоинство.

Стыд - одно из самых тонких, деликатных и вместе с тем жизненно необходимых качеств. Человек должен стыдиться, и много стыдиться, если он человек. Поговорим о стыде перед словом. Чем больше этого стыда, тем лучше наша русская речь.

На вопрос «Что такое сквернословие?» отвечают по-разному. Одни утверждают, что это порок, недостаток, позорящее свойство. Другие считают, что это болезнь, как алкоголизм или курение. Думается, что оба ответа верны, так как одно вытекает из другого. Алкоголизм, курение, сквернословие сначала, когда можно еще не закурить, не выпить, не сказать, не произнести, - порок. Но незаметно сквернословие становится болезнью. Человек уже не может построить элементарное предложение, не употребив плохих слов. Вседозволенность речи оборачивается болезнью интеллекта, сознания. Часто такой человек, попадая в «приличное общество», старается больше молчать, чтобы ненароком не сказать грубого слова.

Так ли опасно распространение сквернословия? Нужно ли об этом громко заявлять? Да, ибо сквернословие принимает угрожающие черты и формы, оно охватило почти все возрасты; ругательства стали заменителями пауз. А если я не сквернословлю, то в чем тогда опасность для меня? Если, не куря сами, мы просто вдыхаем запах чужой сигареты, то тем самым уже вредим себе. Так и скверные слова, нами не произносимые, но слышимые, не-заметно и глубоко проникают в нас, в наше подсознание. Известны случаи, когда, будучи под наркозом, ругались интеллигентные люди, никогда в обычном состоянии не прибегавшие к мату.

Поэтому и возникает острая необходимость решать проблему сквернословия. Нужно не писать и не печатать ругательств: если непечатное слово стало печатным, бороться с этим еще труднее. Ничего не даст для борьбы со сквернословием замена ругательств начальными буквами: нет принципиальной разницы, произносили ли вы слово целиком или ограничились его знаком. Все равно это - сквернословие, ваш сигнал пошел в сознание. Не надо заменять ругательства словечками типа елки-палки, блин, японский городской. Мы смеемся, услышав их, правильно угадывая подтекст этой фразы. Культурные ругательства не лучше и не чище обычных.

Как беречь чистоту речи, пока вы учитесь в школе? Надежных рецептов нет. Но приемы, принятые и одобренные вами, помогут избежать сквернословия.

Не говорите плохих слов сами. Я знаю: порой сложно устоять, не хочется выделяться, быть белой вороной, потому что насмешки неприятны, обидны, мы боимся остаться в одиночестве. Здесь спасительна мысль о том, что бывают периоды в жизни человека, когда нет рядом друзей, но остаются семья, работа, увлечения, учеба.

Не копируйте других, не говорите, как все, не старайтесь быть похожими на кого-то, сохраняйте самобытность и помните: «Не то, что входит в уста, оскверняет их, но то, что выходит из уст». Ошибочно считается, что, выругавшись, человек расслабился, выплеснул наболевшее, а значит, близко успокоение. Да, расслабление необходимо человеку. Но нельзя его найти ни в курении, ни в вине, ни в сквернословии. Его можно найти в мечте, сильной и яр-кой, в высочайшем спортивном напряжении, в музыке, в рукоделии, коллекционировании, в качественном исполнении домашних дел.

А как быть с теми, кто сквернословит? Мы, конечно, не можем исправить общество в целом, но пресечь сквернословие в семье, в классе можно. Даже в самой ужасной среде есть люди, к которым грязь как бы не пристаёт, всегда найдется кто-то, на кого можно опереться, с кем вместе противостоять злу.

Ругательству можно противопоставить слово хорошее. Заяви себе: «Сегодняшний день - мой главный день!». И приди в школу нарядным, наведи вокруг себя порядок, тепло улыбайся и сердечно похвали человека за мелочь. Помни о неприкосновенности личности, о недопустимости характеристик-обобщений: «Ты вообще такой», «Ты всегда так». А если не сдержались, попросите прощения.

Верующие люди утверждают, что, когда человек говорит плохие слова, от него отлетают ангелы-хранители, и тогда человек становится беззащитнее и уязвимее.

В БГПУ действует единственная в республике служба, где ежедневно спасают «великий и могучий».

- Я скучаю за Москвой ! - услышала на днях от некой томной девицы, прогуливавшейся под руку с молодым человеком по фойе театра. Не знаю, как вынес этот не-мыслимый речевой оборот юноша, но мое нежное филологическое ухо он резанул, как музыканта фальшивая нота. От подобных языковых ляпов просто спасу нет: слова «звОнит», «уплОчено», «дОговор» и иже с ними преследуют меня ежедневно, заставляя жалеть о том, что я не родилась пару веков назад.

В сущности, ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считать таким же неприличием, как не уметь читать и писать...», -отмечал Чехов в своей заметке о красноречии «Хорошая новость». «Речь - это и есть цивилизация», - идет дальше Томас

Мани в книге «Волшебная гора». Можем ли мы считать себя цивилизованными людьми, если речь наша далека от совершенства?

Язык - основное средство общения, и знание его норм предполагает адекватное владение ситуацией.

В современном обществе информация играет самую важную роль. Но умением передать и принять информацию, а значит, быть понятым, владеет не каждый. Если вы не умеете грамотно общаться, вас ждет коммуникативная неудача: неподписание важного контракта, провал при собеседовании, ссора из-за пустяка. Знать русский язык не просто необходимо, но и Опрестижно. Наша служба доказывает это на практике ежедневно.

Безграмотность сегодня просто вопиющая. В этом смысле средства массовой информации, телевидение, интернет, играют негативную роль. Порой от дикторов центральных каналов такое услышишь! СМС-сообщения, которыми обмениваются подростки, вообще отвергают все правила русского языка: исключаются знаки препинания, заглавные буквы, активно используются сокращения слов. Автоматически все это переносится и в тетради. С недавних пор Служба русского языка осва-ивает еще одну сферу деятельности: лингвистическую экспертизу. Помните знаменитую фразу «Казнить нельзя помиловать»? Порой неправильно поставленная запятая способна вершить человеческие судьбы. За неосторожное употребление какого-то слова приходится отвечать не меньше, чем за дела. Судебные иски, связанные с защитой чести и достоинства, нарушением авторских прав, спорами по поводу неправильного употребления орфографии и пунктуации в официальных документах, растут с каждым годом. Люди обращаются к языковедам с просьбой подтвердить, что выражение является оскорблением, что реклама несет скрытый не-желательный подтекст и т. д. В обществе случаются периоды пренебрежения к нормам языка, но это сродни бо-лезни, которая проходит. И люди снова начинают понимать важность правильной, красивой, адекватной речи. Ведь счастье -- это когда тебя понимают...

2. Понятие культуры речи

Культура речи - часть общей культуры человека. По тому, как человек говорит или пишет, можно судить об уровне его духовного развития, его внутренней культуры. Владение человеком культурой речи является не только показателем высокого уровня интеллектуального и духовного развития, но и своеобразным показателем профессиональной пригодности для людей самых различных профессий: дипломатов, юристов, политиков, преподавателей школ и вузов, работников радио и телевидения, журналистов, менеджеров и т. д. Культурой речи важно владеть всем, кто по роду своей деятельности связан с людьми, организует и направляет их работу, учит, воспитывает, ведет деловые переговоры, оказывает людям различные услуги.

Что же подразумевает понятие «культура речи»?

Словосочетание «культура речи» применяется в трех основных значениях: Головин Б. Н. Основы культуры речи.- М., 1988.

1. Культура речи - это раздел филологической науки, изучающий речевую жизнь общества в определенную эпоху и устанавливающий на научной основе правила пользования языком как основным средством общения людей, орудием формирования и выражения мыслей. Иными словами, словосочетания «культура речи» в этом значении - это учение о совокупности и системе коммуникативных качеств речи.

2. Культура речи - это какие-то ее признаки и свойства, совокупность и системы которых говорят о ее коммуникативном совершенстве.

3. Культура речи - это совокупность навыков и знаний человека, обеспечивающих целесообразное и незатрудненное применение языка в целях общения, «владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи».

Первое значение словосочетания «культура речи» определяет предмет изучения определенной отрасли филологии. Второе и третье значение определяют культуру речи как совокупность и систему ее нормативных коммуникативных качеств, знание и овладение которыми является целью изучения этой дисциплины студентами. В этом смысле «культура речи» тождественно понятию «культурная речь», «хорошая речь».

Исследователи выделяют три аспекта культуры речи: нормативный, коммуникативный и этический. Первый, важнейший аспект - нормативный. Языковая норма - это центральное понятие культуры речи. Культура речи, прежде всего, предполагает соблюдение норм литературного языка, которые воспринимаются его носителями, говорящими или пишущими, в качестве «идеала», образца. Норма является главным регулятором речевого поведения людей. Однако это необходимый, но недостаточный регулятор, потому что одного соблюдения предписаний нормы не хватает для того, чтобы устная или письменная речь оказалась вполне хорошей, т. е. удовлетворяла все потребности коммуникации. Можно привести большое количество самых разнообразных по содержанию текстов, безупречных с точки зрения литературных норм, но не достигающих цели. Обеспечивается это тем, что норма регулирует в большей мере чисто структурную, знаковую, языковую сторону речи, не затрагивая важнейших отношений речи к действительности, обществу, сознанию, поведению людей. Поэтому вторым важным качеством культуры речи является коммуникативная целесообразность - это умение находить, в языковой системе для выражения конкретного содержания в каждой реальной ситуации речевого общения адекватную языковую форму. Выбор необходимых для данной цели и в данной ситуации языковых средств - основа коммуникативного аспекта речи.

С коммуникативной целесообразностью тесно связан и третий - этический аспект культуры речи. Коммуникативная целесообразность как критерий культуры речи касается как формы выражения мысли, так и ее содержания. Этический аспект культуры речи предписывает знание и применение правил языкового поведения в конкретных ситуациях таким образом, чтобы не унижить достоинства участников общения. Этические нормы общения предусматривают соблюдение речевого этикета. Речевой этикет представляет собой систему средств и способов выражения отношения общающихся друг к другу. Речевой этикет включает речевые формулы приветствия, просьбы, вопросы, благодарности, поздравления, обращения на «ты» и «вы», выбор полного или сокращенного имени, формулы обращения и т. д. Этический компонент культуры речи накладывает строгий запрет на сквернословие в процессе общения и другие формы оскорбляющие достоинство участников общения или окружающих людей. Все вышеизложенное позволяет принять предложенное Е. Н. Ширяевым определение культуры речи: «Культура речи – это такой выбор и организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач». Ширяев Е. Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. - М., 1991. Ч. 1. С. 27

3. Что такое культура речи?

Прежде всего, это степень владения языковыми нормами (в области произношения, ударения, словоупотребления и грамматики) а также умение пользоваться всеми выразительными средствами языка в разных условиях общения (коммуникации) и в соответствии с поставленными целями в содержании высказываний.

Кроме того, **культура речи** - это и специальная лингвистическая дисциплина, направленная на изучение и совершенствование литературного языка как орудия национальной культуры, хранителя духовных богатств народа.

Наука о культуре речи обобщает положения и выводы нормативной грамматики и стилистики с целью живого оперативного воздействия на языковую практику. Однако в отличие от нормативной стилистики учение о культуре речи распространяется и на те речевые явления, сферы и их разновидности, которые не входят в канон литературных норм: нелитературное просторечие, территориальные и социальные диалекты и говоры, жаргоны и сленг, профессиональную речь и т.п.

Научная нормализация языка проходит в постоянной борьбе с двумя крайностями: пуризмом (от лат. *purus* - "чистый"), с одной стороны, и антинормализаторством с другой.

Пуризм - это неприятие, решительный отказ от любых новшеств или изменений в языке и даже консервативное их запрещение - по мотивам логическим, идеологическим, национальнооохранительным или сугубо вкусовым.

Что касается антинормализаторства, то оно представляет собой преклонение перед стихией языка, отрицание возможности сознательного вмешательства в речевую практику, воздействия общества на язык.

Как известно, крайности всегда сходятся: в основе и пуризма, и антинормализаторства оказываются научный нигилизм, субъективный языковой вкус.

Между тем к литературным нормам языка, к оценкам его фактов с точки зрения правильности - неправильности нельзя подходить по-любительски, с позиций чисто вкусовых оценок и привычек или отвлеченных теоретических рассуждений. Только на основе тщательного изучения истории литературного языка и всестороннего анализа его современного состояния и функционирования можно делать объективные выводы о тенденциях развития литературных норм, научно направлять и регулировать это развитие.

Нормы литературного языка - не застывшие раз и навсегда формы. Они изменяются во времени. Однако следует подчеркнуть, что при всех возможных изменениях и сдвигах русский язык устойчиво сохраняет в веках свою нормативно-литературную основу. Система литературных норм, выдвинутая и описанная еще М. В. Ломоносовым в его "Российской грамматике" (1755 г.) определила всю дальнейшую судьбу русского языка и в целом сохраняется до нашего времени.

Закономерное развитие языка, его творческое обогащение надо отличать от засорения и обеднения. А засоряет и обедняет его все то, что искажает и огрубляет, стилистически нивелирует и нашу повседневную речь, и язык художественной литературы, и речевую практику средств массовой информации - прессы, радио и телевидения. Сюда относятся, например, канцеляризмы и штампы речи, многие жаргонные и грубо-просторечные слова, ненужные заимствования из других языков, неуместные профессионализмы, неоправданные высокие слова и, конечно же, случаи неграмотного, неправильного или неточного употребления слов.

Возьмем проблему заимствований. Она для языка и речевой культуры вроде бы и старая, но в тоже время вечно новая и острая. В мире практически нет языков, которые не имели бы иноязычных слов. Это и понятно. Ведь взаимодействие языков - это взаимодействие и взаимообогащение культур разных народов. Но тут следует хорошо различать заимствования уместные, необходимые, обогащающие родной язык новыми идеями и понятиями, и заимствования ненужные, неоправданные, не приносящие в речь ничего нового по сравнению с исконными словами и, следовательно, засоряющие ее. В научных трудах или в языке бизнеса не обойтись без многих иноязычных по

происхождению терминов. Но в обиходной речи или в публичных выступлениях они могут вызвать непонимание, неясность. К тому же большинство из них легко заменить словами русского языка. Чем, скажем, спонтанный лучше случайного или непреднамеренного и самопроизвольного? Или паритет часто употребляют вместо равенство, равноправие. Имидж вместо образ, облик. Эксклюзивный вместо исключительный. А уж какие сочетания стилистически несовместимых слов, как например, спикер думы, глава администрации, супрефект округа, живо напоминают беспощадную грибоедовскую (устаами Чацкого) оценку "смешенья языков - французского с нижегородским"!

Наша повседневная речь, к сожалению, становится грубой, стилистически сниженной. И, как это ни парадоксально, причина здесь - тех же новых демократических условиях свободы слова и гласности.

Процессы снижения стиля речи, ее вульгарного огрубления далеко не новы, они характерны для периодов общественных переворотов, революций, радикальной демократизации укладов жизни и общения людей. Так было и после Великой французской революции, так же было и у нас после 1917 года.

Говоря о лингвистической стороне вульгаризации языка, уместно напомнить слова академика Л. В. Щербы о стилистической языковой перспективе, о "богатстве готовых возможностей выражать разнообразные оттенки".

Стилистически неразборчивое и подверженное вульгаризации речевое употребление разрушает выразительную структуру языка.

В статье "Современный русский литературный язык" (1939г.) Л. В. Щерба писал об этом так: "Литературный язык принимает многое, навязываемое ему разговорным языком и диалектами, и таким образом и совершается его развитие, но лишь тогда, когда он приспособил новое к своей системе, подправив и переделав его соответствующим образом.

Но беда, если разнородное, бессистемное по существу новое зальет литературный язык и безнадежно испортит его систему выразительных средств, которые только потому и выразительны, что образуют систему.

Тогда наступает конец литературному языку, и многовековую работу по его созданию приходится начинать сызнова, с нуля. Так было с латинским языком, когда на его основе стали создаваться современные романские языки".

Не дай, конечно, Бог, увидеть нам конец русского литературного языка в результате разрушения его стилистической системы и смысловой структуры вульгаризмами, жаргонизмами, необоснованными иноязычными заимствованиями, а то просто неумелым с ним обращением.

В современном русском литературном языке, как и во всяком живом, развивающемся языке, происходит интенсивное сближение традиционно-книжных средств выражения с обиходно-разговорной стихией, с социальными и территориальными говорами в их современном состоянии. Однако известное "раскрепощение" и обновление литературных норм не должно приводить к их разрушению, к стилистическому снижению самой речи, к ее огрублению и вульгаризации.

В этих условиях нормативность, правильность речи приобретают особое и актуальное значение. В эпоху новейших технологий, всеобщей и полной компьютеризации, распространения видеотехники и других достижений современной цивилизации глубокое знание родного языка, владение его литературными нормами обязательно для всякого образованного человека и патриота.

Правильность речи - фундамент языковой культуры; без нее нет и не может быть ни литературного художественного мастерства, ни искусства живого и письменного слова.

4. ЛЕКСИКА

«Верней клади ступень ноги». Приведя эту фразу как пример неправильного словоупотребления слов, смешения смысла, М. Горький иронически указывал, что автор «не замечает некоторого несходства между ступней ноги и ступенью лестницы». Случаи подобного смешения близких по звучанию, но далеких по значению или расходящихся в своих значениях слов (языковеды называют такие слова паронимами) встречаются в практике речи довольно часто.

Классическим стал пример смешения глаголов одевать и надевать. «Он одел пальто и шляпу и вышел на улицу» - глагол одеть (одевать) значительно активнее своего собрата. Однако в подобных примерах литературная норма не станет защищать такое употребление. Дело в том, что глагол одевать обозначает действие, обращенное на другой предмет (в грамматическом значении этого слова, то есть им может быть и человек, и животное, и неодушевленный предмет), например: одевать ребенка, одевать коня попоной, одевать куклу. Если же действие обращено на его производителя, то употребляется глагол надеть (надевать), например: надеть пальто, надеть шляпу, туфли, калоши, перчатки, очки, коньки и т.д. Однако в конструкциях с предлогом на глагол надеть (надевать) обозначает действие, производимое по отношению к другому лицу или предмету, например: надеть шубу на ребенка, надеть чехол на кресло.

Смешение близких по звучанию слов находим в предложении «Он полный невежа в вопросах искусства» (вместо невежда - «малосведущий, малообразованный человек»; а невежа - это «грубый, невоспитанный человек»).

Старый, давний, старинный, ветхий, древний. Приведя этот ряд синонимов-прилагательных, писатель Д. И. Фонвизин так объяснял смысловое различие между ними: «Старо то, что давно было ново; старинным называется то, что ведется издавна. Давно то, чему много времени прошло. В настоящем употреблении ветхим называется то, что от старости истлело или обвалилось. Древне то, что происходило в отдаленнейших веках». Для иллюстрации этих значений Д. И. Фонвизин дает такое продолжение: «Старый человек обыкновенно любит вспоминать давние происшествия и рассказывать о старинных обычаях; а если он скуп, то в сундуках его найдешь много ветхого. Сих примеров столько ныне, сколько бывало и в древние времена».

Итак, включенные в синонимический ряд слова обозначают примерно одно и то же и одновременно не одно и то же, в них заключен общий для них смысл, но разные его оттенки. Именно последние при употреблении синонимов играют роль: они напоминают оттенки красок у художника, нюансы звуков у музыканта. Эти оттенки нелегко уловить. Например, будет затруднительно выяснить тонкие различия между прилагательными: смелый, храбрый, отважный, мужественный, бесстрашный, неустрашимый. А это различие действительно существует: если носителем общего значения является слово смелый, то храбрый - «активно смелый, не боящийся опасности, идущий навстречу ей»; отважный - «очень смелый, готовый совершить поступок, требующий бесстрашия»; мужественный - «не теряющий присутствия духа перед лицом опасности»; бесстрашный - «чрезвычайно смелый, но не знающий страха»; неустрашимый - «такой, которого ничто не утрашит».

Какой же из синонимов выбрать в конкретной ситуации? Здесь нам помогают разные словари и писатели. Умение пользоваться синонимами - важнейшее условие обогащения речи, придания ей разнообразия и выразительности. Богатая синонимика русского языка позволяет избежать назойливого повторения одних и тех же слов в тексте, что нередко наблюдается, например, при употреблении глаголов речи (сказать, спросить, ответить, сообщить и т.д.). А между тем писатели умело используют подобные глаголы не только для устранения лексического однообразия, но и для более выразительной передачи смысловых и изобразительных оттенков, характеризующих ситуацию высказывания.

Синонимы могут различаться дополнительными оттенками, характеризующими человека, обстановку и т.д. и придающими высказыванию, к примеру, характер торжественности, грубоватости или, иначе, стилистической окраской (слова нейтральные,

книжные, разговорные, просторечные): растратить (нейтр.) - растранижить (разг.), признаки (нейтр.) - симптомы (книжн.). Подобные пометы даются в толковых словарях.

Могут различаться синонимы также экспрессивной окраской: родина (нейтр.) - отчизна (высок.), лицо (нейтр.) - харя (грубое).

В синонимическом ряду слова могут располагаться или по признаку усиления признака, или, наоборот, по признаку его ослабления.

Раздевалки, читалки, курилки. Эти слова действительно существуют в русском языке, но сфера их использования ограничена областью просторечия и обиходно-разговорной речи. Надо остерегаться вносить подобные слова в письменную речь или устный доклад. Не украшают речевой лексикон и вульгарно-просторечные слова и выражения, или вульгаризмы, против проникновения которых в литературный язык так резко выступал М. Горький. В статье «О языке» он писал: «Борьба за очищение книг от «неудачных фраз» так же необходима, как и борьба против речевой бессмыслицы. С величайшим огорчением приходится указать, что в стране, которая так успешно - в общем - восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как например, «мура», «буза», «волынить», «шамать» и т.д.»

К сожалению, и в работах некоторых современных писателей встречаются использованные без стилистической надобности просторечные и вульгарные выражения.

Далеко не все, что встречается в художественной прозе, достойно подражания.

«Следует отметить следующие факты». Подобные сочетания встречаются довольно часто в разных текстах, дополняя собой примеры стилистически неполноценных предложений. Их недостаток, не всегда замечаемый пишущим или говорящим, заключается в так называемой тавтологии - повторении одних и тех же или однокоренных слов.

Вместе с тем тавтология нередко используется писателями как особый стилистический прием для подчеркивания каких-либо деталей в описании, для создания выразительности и т.д.

Можно привести такой пример:

Сила силе доказала!

Сила силе - не ровня.

Есть металл прочней металла,

Есть огонь страшней огня.

(А. Твардовский)

Языковые средства следует расходовать экономно. Если «краткость - сестра таланта» (А. Чехов), то многословие - враг ясности.

Нередко встречаются сочетания слов, настолько близких по выражаемому ими понятию, что некоторые из данных слов становятся совершенно лишними. Например, «впервые знакомиться» (знакомится «во второй раз» уже нельзя); «мы дорожим каждой минутой времени» (лишнее слово времени; допустимы сочетания каждая минута рабочего времени, каждая минута учебного времени и т.п.); «вернуться в апреле месяце», «десять рублей денег»; «написал свою автобиографию» и т.д. Языковеды называют такое явление плеоназмом (излишеством).

Многословие легко переходит в пустословие. Возьмем такой пример: «Наш командир еще за 15 минут до своей смерти был жив» (предложение взято из шуточной песни французских солдат начала XVI в.). Подобные примеры характеризуются не только комической нелепостью и выражением самоочевидной истины, но и присущим им многословием: ведь ясно, что человек жив до своей (а не чужой) смерти.

Лишние слова свидетельствуют не только о стилистической небрежности, они указывают также на нечеткость представлений автора о предмете высказывания.

«Нельзя negliжировать своими обязанностями». Нетрудно видеть неуместность употребления в этом предложении слова negliжировать: дело не только в устарелом его

характере, но и в неоправданном использовании иноязычного по происхождению слова вместо вполне подходящего по условиям данного контекста русского слова пренебрегать.

Встречается злоупотребление иноязычными словами и в языке печати, например: «Общее внимание привлекал новый анонс, вывешенный на входной двери учреждения»; «Кардинальный пункт расхождения между участниками дискуссии путем компромисса был сведен на нет»; «Никакие резоны не действовали на упрямого спорщика, и никакие аргументы не могли его переубедить»; «Оратор говорил весьма напыщенно, что произвело на аудиторию негативный эффект».

В.Г.Белинский справедливо писал: «В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. Подобное явление не ново... Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд нередко удаётся. Поэтому с новым понятием, которое один берет у другого, он берет и самое слово, выражающее это понятие». В.Г. Белинский писал также, что «неудачно придуманное русское слово для выражения понятия не только не лучше, но решительно хуже иностранного слова».

«Бежит сломав голову». Видное место в нашей речи занимают фразеологические обороты - цельные по смыслу, устойчивые словосочетания, обычно образно передающие заключенное в них значение. Их преимущество перед отдельными словами или свободными сочетаниями слов состоит в том, что они легко воспроизводятся в виде готовых речевых формул, позволяют экономить время и усилия, облегчают процесс общения, придают речи образность и выразительность. Например: держать камень за пазухой - «иметь скрытно злые намерения по отношению к кому-нибудь», днем с огнем не сыщешь - «трудно найти», из мухи делать слона - «преувеличивать» и т.д. Сюда же относятся такие образные выражения, как стреляный воробей, травленный волк, канцелярская крыса, медвежья услуга и многие другие.

Очень часто фразеологические обороты используют не точно, как, например, в приведенном заголовке, где вместо принятого сломя голову употреблено неправильное «сломав голову». Конечно, фразеологизмы не следует толковать буквально.

Искажение фразеологизмов, к сожалению, встречается и в печати, например: «Он взял себе львиную часть» (вместо львиную долю); «Все единодушно потребовали приподнять занавес над этой странной историей» (вместо приподнять завесу); «Хороший руководитель должен во всем показывать образец своим подчиненным» (вместо служить образцом или показывать пример).

Встречающееся у писателей переразложение фразеологических оборотов может носить характер особого стилистического приема, цель которого - обновление используемого выражения. Например, у М. Е. Салтыкова-Щедрина: Цензура привыкла совать свой смрадный нос в самое святилище мысли писателя; у А.П. Чехова: Взглянул на мир с высоты своей подлости (вместо с высоты своего величия); Первый данный блин вышел, кажется, комом (вставлено слово данный).

5. ГРАММАТИКА

-Существительные.

«Подайте мне мое стуло!» Так, конечно, никто не скажет: все знают, к какому грамматическому роду принадлежит имя существительное стул. Но еще в прошлом веке была в употреблении форма зало в значении «зал». Устарела не только эта форма, но и другая примерно в том же значении - слово зала.

Речь, таким образом, идет о колебаниях в роде некоторых существительных. Что считать правильным, какую форму предпочесть: вольтер или вольтера, жираф или жирафа, скирд или скирда, ставень или ставня? Если, по данным современных словарей, обе формы в каждой паре равноправны, то в других случаях такого равноправия в литературном языке нет.

Чаще всего формы женского рода заменялись формами мужского рода, как более экономными (выигрыш целого слога - окончания). В других случаях сказался закон аналогии - «равнение на большинство». Голову моют шампунем (а не «шампунью»), крышу кроют толем (а не «толью»), но лицо было покрыто вуалью (не «вуалем»). Обычно в этих случаях проявляется историческая изменчивость нормы: была одна норма, стала другая.

На первый взгляд никаких затруднений не должно доставить определение грамматического рода такого обиходного слова, как кофе. Ведь существует простое правило: несклоняемые имена существительные иноязычного происхождения, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду (бюро, депо, пальто, кафе, пенсне, шоссе, такси и др.), но слово кофе составляет одно из немногих исключений и относится к мужскому роду (вероятно, по связи со словами кофей, кофий, бытовавшими ранее). Стало быть, нужно говорить и писать черный кофе, а не «черное кофе». Однако практика разговорной речи не всегда считается с теоретическими положениями и склонна выравнивать аналогичные нормы, поэтому мы слышим в разговоре и читаем в печати сочетание «черное кофе», которое уже стало допустимым вариантом устной речи.

Одна из сестер - библиотекарша, другая - врачиха. Здесь слово врачиха выпадает из литературного языка. Не вызывают никаких возражений подобные формы с суффиксом -их(а), давно существующие в языке: портниха, ткачиха и др. Но такое образование, как врачиха не приобрело прав гражданства в литературном языке.

Что касается форм с суффиксом -ш(а), то они имеют более широкое распространение в разговорной речи: библиотекарша, кондукторша, секретарша и др. Однако здесь наблюдается ограничение, связанное не только со сниженным стилистическим оттенком, но и с возможной неясностью из-за присущей некоторым словам этого типа двусмысленности: такие слова, как бригадирша, докторша, инженерша могут быть поняты и как название действующего лица, и как название жены по профессии, роду занятий мужа.

Иногда появляются трудности, когда возникает потребность в обратном образовании, т.е. нужно подобрать соответствующую форму мужского рода к названию лица женского пола. Какое будет соответствие к слову машинистка? Напрашивается: машинист, но это слово имеет другое значение, и для названия лица мужского пола, избравшего эту профессию, используется описательное выражение переписчик на машинке. Для обозначения соответствия к слову балерина в шутку иногда употребляют «балерун», а если по-серьезному, то артист балета. Без всяких трудностей были образованы пары доярка-дойр, свиарка-свиарь.

«Вы не знаете падежов». Конечно, такое название может быть употреблено только в шутку, однако имеется немало случаев, когда выбор правильной формы падежа имен существительных не так уж прост.

Изменяется ли при склонении первая часть таких особого типа сложных слов, как вагон-ресторан? На Москва-реке или на Москве-реке? К пятому апреля или к пятому апрелю? Романы Жюль Верна или романы Жюля Верна?

При решении подобных вопросов мы неизбежно встречаемся с исторической изменчивостью нормы и расслоением языка на разные стили, главным образом книжный и разговорный. Мы сталкиваемся не только с грамматикой, но и со стилистикой. Как говорил один ученый: «стилистика начинается там, где имеется возможность выбора». Иначе говоря, там, где нет выбора синонимов (лексических или грамматических), там есть нормативная лексика, грамматика, но нет стилистики.

Слова типа вагон-ресторан допускают двойкие падежные формы в зависимости от стиля и формы речи: в книжной речи склоняются обе части (в вагоне-ресторане), в разговорной, склонной к экономии языковых средств, - только вторая часть (в вагон-ресторан).

Двойные формы наблюдаются и для сочетания Москва-река: в книжной речи склоняются обе части (на Москве-реке), в разговорной речи первая часть при склонении не изменяется (на Москва-реке, за Москва-рекой).

При склонении таких сочетаний, как пятое апреля (было образовано от сочетания пятое число месяца апреля), изменяется только первая часть: к пятому апреля (не «к пятому апрелю»), так как получилось бы, что в году имеется «пять апрелей»).

Иностранные имена, оканчивающиеся на согласный звук, склоняются также при наличии фамилии или нескольких имен подряд, например: романы Жюль Верна, рассказы Марка Твена, сказки Ханса Кристиана Андерсена. В устной речи встречается отступление от этого правила («романы Жюль Верна», «рассказы Марка Твена»), что можно объяснить влиянием обычной для устной речи несклоняемостью имени при наличии отчества («у Иван Ивановича», «к Сергей Петровичу»).

Выпил чашку чаю или чашку чая? При выборе формы родительного падежа единственного числа существительных мужского рода типа много (народу - народа), килограмм (сахару - сахара), чашка (чаю - чая) говорящие и пишущие в прежнее время исходили из того, что формы на -у(-ю) у вещественных и некоторых других существительных имели количественное значение, обозначали часть целого, а потому предпочитались в подобных сочетаниях (история народа, белизна сахара, вкус чая - без количественного значения). В настоящее время форму на -у(-ю) убывают, происходит выравнивание по основной модели, не связанной с определенным значением, и наряду с формой чашка чаю вполне допустима (а многими даже предпочитается) чашка чая. Последнее явно преобладает, если при существительном имеется определение: чашка крепкого чая, пачка душистого табака.

« - Есть у вас в продаже свежие торты?» Такой вопрос приходится иногда слышать в кондитерской. Прежде чем дать оценку форме «торты» и ей подобным, поставим какой вопрос: как лучше сказать - тракторы или трактора? Ответ: и то и другое - в зависимости от условий общения (письменная или устная форма речи), от характера текста (его принадлежности к книжному или разговорному стилю) и т.д. Неуместно было бы в технической книге, в статистическом обзоре, в статье на экономическую тему написать: «Новые трактора характеризуются такими-то техническими показателями». Но вполне допустимо употребить эту форму в другой ситуации - в живой беседе, в очерке на «весеннюю» тему: Началась посевная кампания. Трактора уже вышли в поле.

Книжным формам (с окончанием -ы или -и) противопоставлены формы разговорные (догов`оры-договор`а, инстр`укторы - инструктор`а), профессиональные (прож`екторы - прожектор`а, ред`акторы - редактор`а), просторечные (инжен`еры - инженер`а, лекторы - лектор`а, шофёры - шофер`а).

Некоторые формы разграничиваются в зависимости от присущего им значения: кондуктор`а - «работники транспорта» - конд`укторы - «приспособления в технике», лагер`я (военные, пионерские, туристские) - лагери - «политические группировки».

К подобным же случаям относятся формы (некоторые из них употребляются только во множественном числе) мех`а - «выделанные шкуры» - мех`и (кузнечные), собол`я - «меха» - с`оболи - «животные», счет`а - «документы» - счѐты - «прибор, взаимные отношения».

История рассматриваемых форм показывает неуклонный рост количества слов с окончанием -а(-я) на протяжении последних двух столетий. В середине XVIII века М. В. Ломоносов отметил только три слова, употреблявшиеся в именительном падеже множественного числа с окончанием -а без параллельной формы на -ы(-и): бок`а, глаз`а, рог`а (восходящие к форме двойственного числа при названиях парных предметов), а также немногие слова с параллельными формами. В середине XIX века таких слов было уже много десятков, а в наши дни их насчитывается свыше шестисот.

Естественно встает вопрос: при такой активности форм на -а(-я) не захлестнет ли нашу речь их стихийный рост, не восторжествуют ли сочетания типа «опытные

бухгалтер`а» , «волжские пароход`а», «свежие торт`а»? Нет, эта опасность литературному языку не угрожает, потому что он находится под воздействием факторов, регулирующих нормативное формообразование.

Так, в зачиту форм инженер`еры, шофёры можно привести такое положение: слова эти пришли из французского языка, в котором ударение всегда падает на конечный слог слова (в данном случае на -ер и -ёр), и с таким ударением данные слова вошли в русский язык, причем ударение при склонении сохраняется на этом слоге. Слово инженер в единственном числе - инженер`ера, инженер`еру, инженер`ером, об инженер`ере; во множественном числе сохраняется то же ударение, а это исключает форму на -а (она сама требует ударения, и мы потеряем его на слоге -ер).

Таким образом, заимствованные слова на -ер, -ёр с ударением на этом слоге образуют форму именительного падежа множественного числа с окончанием -ы (не -`а).

Сложнее обстоит дело с такими словами, как доктор, инспектор, трактор и т.п., т.е. словами на -ор, восходящими к латинскому языку: для них нет единого правила образования рассматриваемой формы, но можно руководствоваться некоторыми общими указаниями.

Слова на -ор, обозначающие неодушевленные предметы, образуют, как правило, форму на -ы (такие слова принадлежат к книжной лексике и используются в функции терминов): детекторы, индукторы, конденсаторы и т.п.

Слова на -ор, обозначающие одушевленные предметы, имеют в одних случаях окончание -а, в других - -ы, а именно: слова, получившие широкое распространение и утратившие книжный характер, обычно имеют окончание -а: директор`а, профессорга и др.; слова же, сохраняющие книжный оттенок, употребляются с окончанием -ы: авторы, конструкторы, лекторы, новаторы, ораторы и др.

Все присутствующие обнажили голов... Разве здесь может возникнуть вопрос о форме числа? Ведь у каждого из присутствующих, надо полагать, была своя голова, а не одна, общая на всех. И если не всегда верна поговорка «Сколько голов, столько умов», то не по причинам физического характера.

И все-таки правильное сказать ...обнажили голову. При указании на то, что одинаковые предметы принадлежат каждому лицу из всей группы или находятся в одинаковом отношении к ним, форма единственного числа употребляется в значении множественного. Например: Все повернули голову в сторону двери; Носильщики несли на голове корзины с овощами. У А.С. Пушкина: Солдаты стояли с опущенной головой; Повелено брить им бороду.

- Числительные.

«Триста шагами дальше». По правилу, числительные согласуются в косвенных падежах, кроме винительного, с существительными; стало быть, нужно: тремястами шагами дальше.

И все же в разговорной речи, а тем более в просторечии подобные обороты встречаются. А если взять сочетания с составными числительными, то нарушения литературной нормы наблюдается в устно-разговорной речи еще чаще. Например, сочетание альбом с 687 иллюстрациями многие прочитают скорее так: ...с шестьсот семьдесят восьмью иллюстрациями (склоняя только последнее слово), чем ...с шестьюстами семьдесятю восьмью (или восьмью - более старая форма) иллюстрациями, хотя по правилу в составном количественном числительном должны склоняться все образующие его части.

Книжному варианту с тремястами рублями (числительное согласуется с существительным) противостоит разговорный вариант с тремястами рублей (числительное управляет существительным, как это имеет место в форме именительно-винительного падежа триста рублей). Слово тысяча может выступать как в функции числительного, так и в функции счетного существительного, поэтому оно или согласуется

с существительными (с тысячью рублями), или управляет им (с одной тысячей рублей). В форме множественного числа оно управляет существительным: с тремя тысячами рублей.

Это же слово имеет разные формы винительного падежа в составе количественных и в составе порядковых числительных: груз весом в тысячу пятьсот тонн (не «в тысяча пятьсот тонн») - в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году (не «в тысячу девятьсот восемьдесят седьмом году»).

Поход продолжался 22 суток. Как прочитать выделенное сочетание числительного с существительным? Все обстоит благополучно, пока перед нами сочетания 20 (двадцать) суток, 21(двадцать одни) сутки, но стоит добавить еще одни сутки, и мы окажемся в трудном положении: нельзя сказать ни «двадцать два сутки», ни «двадцать две сутки», и остается, как «жест отчаяния», - «двадцать двое суток», но это не соответствует литературной норме. Дело в том, что такие слова, как сутки, т.е. существительные, имеющие форму только множественного числа, сочетаются не с количественными числительными два, три, четыре, а с собирательными двое, трое, четверо, однако эти последние не могут входить в составное числительное: оно должно быть образовано из одних количественных числительных. Не соответствуют поэтому литературной норме встречающиеся в печати сочетания: «Первый искусственный спутник Земли просуществовал как космическое тело 92 суток»; «Затем снова включаются двигатели для торможения, которое продолжается 123 суток».

В нормативной речи эту грамматическую несочетаемость числительных 22, 23, 24 и т.п. с существительными, не имеющими формы единственного числа, мы преодолеваем или заменой таких слов (поход продолжался 22 дня), или изменением конструкции (поход продолжался в течение двадцати двух суток).

При существительных ножницы, сани, часы, щипцы и т.п. в аналогичных случаях в деловой речи используется вставка слова штука: двадцать две штуки ножниц; купили сани в количестве двадцати двух (штук).

- Местоимение.

«Эту селедку передала мне продавщица Люба, ввиду жаркой погоды она уже припахивала». Предложение не страдает неясностью или двусмысленностью: не вызывает сомнений отнесенность местоимения она к существительному селедка. И все же при чтении невольно возникает впечатление курьезности. Объясняется это тем, что личное местоимение обычно заменяет ближайшее предшествующее существительное в форме того же рода и числа, и эта формальная связь появляется в сознании читателя еще до того, как устанавливается связь смысловая.

Отсюда не следует, что тексты, в которых этот формальное положение не соблюдено, стилистически неполноценны.

Однако нередко в подобных случаях возникает неясность или создаются курьезы, например: «Сестра поступила в артистическую труппу, она вскоре уезжает на гастроли». Кто уезжает: сестра или труппа?

Изложенное выше распространяется и на употребление местоимения который, выступающего в функции союзного слова в придаточном предложении: здесь тоже обычна связь местоимения с ближайшим предшествующим существительным в форме того же рода и числа, поэтому при неясности связи возникает двусмысленность, например: «Мы беседовали с ведущим актером столичного театра, который приехал на гастроли в наш город» (приехал актер или театр?).

- Глаголы.

- Что ты чудишь?

- Я вовсе не чу..

Дело в том, что некоторые глаголы ограничены в образовании или употреблении личных форм (их поэтому называют недостаточными глаголами). Сюда относятся, во-первых, глаголы, которые обозначают процессы, совершающиеся в животном и растительном мире, в неживой природе и не присущие человеку, например: ржаветь,

сквозить, телься, течь и др.; такие глаголы не употребляются в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа (нельзя ведь сказать: «я теку», «мы ржавеем» и т. п.).

Во-вторых, некоторые глаголы не образуют формы 1-го лица единственного числа настоящего или будущего простого времени по фонетическим причинам: такие глаголы, как победить, чудить, убедиться, очутиться, ощутить и некоторые другие, образовали бы форму с непривычными для нашего слуха сочетаниями звуков: «убежу», «убежду», «убедю», «очучусь», «ощущу» и т.п. редко употребляется форма «прегражу» (от преградить). А глаголы бузить, дерзить, тузить не образуют теоретически возможных форм «бужу», «держу», «тужу», потому что «место уже занято»: эти формы существуют от чаще употребляющихся глаголов будить, держать, тужить.

Как же все-таки поступать в случаях, подобных приведенному в заголовке? Выход заключается в использовании описательных оборотов и не думаю чудить, сумею победить, хочу убедить, могу очутиться, попытаюсь ощутить и т.п.

- Согласование членов предложения.

Я давно не видел моих брата и сестру. Приведя этот пример, один известный языковед добавил: «Это не по-русски и режет слух» (т.е. имелось в виду, что правильный вариант - ...моего брата и сестру). Речь идет, таким образом, о том, в каком числе ставится определение, относящееся к двум или нескольким существительным - однородным членам.

Вопрос решается так: если по смыслу сочетания ясно, что определение относится не только к ближайшему существительному, но и к последующему, то оно ставится в форме единственного числа, например: Дикий гусь и утка прилетели первыми (И. С. Тургенев) - речь не могла идти о диком гусе и домашней утке.

Однако в тех случаях, когда может возникнуть неясность относительно того, связано ли определение только с ближайшим существительным или со всем рядом однородных членов, это определение ставится в форме множественного числа, например: способные ученик и ученица, мелко нарезанные зелень и мясо и т. п. В деловой речи, где важна ясность и точность, используются конструкции второго типа.

6.УДАРЕНИЕ

Трудности русского ударения связаны, как известно, с двумя его особенностями; во-первых, оно разноместно, т.е. не связано с определенным слогом в слове, как в некоторых других языках; во-вторых, оно подвижно, т.е. может переходить с одного слога на другой при изменении (склонении или спряжении) слова. Вряд ли нужно доказывать необходимость уметь преодолевать эти трудности: навыки правильно ставить ударение является существенным элементом речевой культуры.

Весь вопрос в том, как их преодолевать. Правда, мы не так уж беспомощны; если ударение в начальной форме многих и многих слов приходится запоминать (или проверять, почаще заглядывая в словари-справочники), то для ударения в производных формах слов тех или иных грамматических разрядов существуют свои правила, хотя применение их не столь простое. Например, какими правилами руководствоваться, чтобы установить нормативное ударение в форме родительного падежа единственного числа от слова гусь (гуся или гусяг), в форме винительного падежа от слова река (реку или рекуг) и т.д.? Все же для многих подобных случаев имеются определенные правила.

Так, многие односложные имена существительные мужского рода имеют в родительском падеже единственного числа ударение на окончании: бинт - бинтаг, блин - блинаг. Правильным, однако, является произношение гуся (гусяг не соответствует литературной норме).

Существительные женского рода в форме винительного падежа единственного числа имеют частично ударение на окончании, частично на основе, например: 1) бедут, ботвут, бронюг, вдовут, змеюг; 2) богроду, богрону, стегну, щёку.

С ударением на окончании произносятся некоторые односложные имена существительные женского рода 3-го склонения при употреблении с предлогами в и на в обстоятельном значении: в гостиг, на двериг, на цепиг.

Существительные 3-го склонения в родительном падеже множественного числа частично произносятся с ударением на основе, частично - с ударением на окончании: 1) возвыгшенностей, шаглостей; 2) ведомостей, плоскостей.

Иногда предлоги принимают на себя ударение, и тогда следующее за ними существительное (или числительное) оказывается безударным. Чаще всего ударение перетягивают на себя предлоги на, за, по, под, из, без, например: наг воду, наг ногу, заг ночь, заг сто, пог двое, изг лесу, изг виду, безг вести, безг толку.

Многие краткие прилагательные (без суффиксов в основе или с суффиксами -к-, -л-, -н-, -ок-) имеют ударение на первом слоге основы во всех формах, кроме единственного числа женского рода, где оно переходит на окончание, например: блегден, бледнаг, блегдно, блегдны; крогток, кроткаг, крогтко, крогтки.

Затруднения вызывает постановка ударения у ряда глаголов в форме прошедшего времени. Здесь можно выделить три группы:

1) глаголы с ударением на основе во всех формах: бить - бил, бигла, бигло, бигли; шить - шил, шигла, шигло, шигли.

2) глаголы с ударением на основе во всех формах, кроме формы женского рода, в которой оно переходит на окончание: брать - брал, бралаг, брагло, брагли; спать - спал, спалаг, спагло, спагли;

3) глаголы с ударением на приставке во всех формах прошедшего времени, кроме формы женского рода, в которой оно переходит на окончание: дожить - дожил, дожилаг, дожило, дожили; занять - загнял, занялаг, загняло, загняли.

Аналогичное явление наблюдается у некоторых страдательных причастий прошедшего времени: в форме женского рода в одних случаях ударение падает на окончание, в других - на приставку.

В глаголах на -ировать выделяются две группы: с ударением на и и с ударением на а (первые составляют большинство).

Сложнее дело обстоит, когда требуется выяснить ударение в начальной форме слова: ведь слов в русском языке огромное количество, и понадобятся специальные словари, в которых можно найти нужное слово.

Правда, не обязательно проводить поиски во всем составе русской лексики. Различают у носителей языка пассивный и активный словарь. Под первым имеются в виду слова, которые человек понимает, но редко или почти совсем не употребляет. Активный словарь (слова, которые часто употребляются в речи того или иного человека) насчитывает не более полутора тысяч единиц. Среди них только могут оказаться слова, в ударении и произношении которых человек испытывает трудности или сомнения.